

ЯКОРЬ СРЕДИ ШТОРМА

«Он считал, сколько выдержит.
Она считала, сколько осталось до рассвета»

18+

Телепова Злата

Злата Телепова

Якорь среди шторма

<https://litres.ru/74607039>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он должен держать равновесие целого города. Она - единственная, кто напоминает ему, что он человек. Когда реальность начинает рушиться, их связь становится единственной опорой. Но семья Итана хочет, чтобы он забыл про чувства и стал инструментом. Сможет ли он удержать мир — и не потерять себя?

Злата Телепова

Якорь среди шторма

Глава 1-3

...

«Якорь среди шторма

Пролог

Город не любил, когда в нём что-то ломалось. Он любил, когда всё шло по плану — ровно, предсказуемо, удобно. Но сегодня план трещал по швам.

Итан стоял на углу, где тени ложились плотнее обычного, и чувствовал, как реальность дрожит под подошвами, будто асфальт вот-вот превратится в воду. Он знал: это не просто сбой. Это приглашение. Или предупреждение.

Он не хотел быть тем, кто всё чинит. Но город уже выбрал его.

Глава 1. Обычный день, который не был обычным

Утро началось как всегда: кофе в бумажном стаканчике, маршрут через дворы, чтобы не идти по главной улице. Итан специально выбирал узкие переулки — в них город казался тише, будто не так сильно давил. Но сегодня тишина была другой.

На перекрёстке он заметил тень, которая двигалась не ту-

да. Не вслед за фонарём, не вслед за ветром — она шла сама по себе, скользя по стене, как капля масла по стеклу. «Опять», — подумал он, но вслух не сказал. Говорить означало признавать, что это происходит. А признавать было страшно.

Телефон пискнул. Сообщение от матери: «Ты сегодня зайдёшь? Отец хочет поговорить». Итан вздохнул и убрал телефон. Разговор с отцом всегда начинался одинаково: «Ты должен держать равновесие». И никогда не заканчивался вопросом: «А ты сам этого хочешь?»

Глава 2. Столкновение

Он резко свернул за угол, чтобы уйти от той странной тени, и врезался в кого-то.

— Эй! — раздался голос, не злой, а скорее удивлённый.
— Ты куда летишь?

Перед ним стояла девушка. В руке — пакет с булочками, на носу — капля дождя, которую она тут же смахнула.

— Прости, — буркнул Итан, не глядя. — Я не смотрел...

— Да ладно, — она чуть улыбнулась. — Зато я теперь точно знаю, что ты живой.

Некоторые тут ходят, как призраки.

И тут она посмотрела туда, куда только что смотрела тень. И нахмурилась.

— Ты тоже это видишь? — спросила она спокойно, будто спрашивала, идёт ли дождь.

Итан замер. Никто не должен был это видеть. Никто, кро-

ме его семьи.

— Что? — сделал он вид, что не понял.

— Тень, — она кивнула на стену. — Она только что... изменилась. Как будто вздохнула. В этот момент Итан понял две вещи: она видит. И она не боится.

— Ты знаешь, — говорит она, не сводя глаз с тени, — я думала, что эти штуки появляются только по вторникам. А тут понедельник, и ты. Либо календарь сломался, либо ты — новый вид сбоя.

Она наконец поворачивает к нему лицо и усмехается:

— Выбирай, что тебе приятнее: быть аномалией или просто неудачником, который не смотрит под ноги. Но в любом случае, нам надо держаться поближе. Эти штуки не любят, когда люди разбегаются.

Он всё ещё молчит, переваривая.

Лия вздыхает, качает головой и говорит с этой самой лёгкой ухмылкой:

— Ладно. Молчание — знак согласия. Значит, мы теперь в одной лодке. Или в одном переулке.

Она поправляет пакет, делает вид, что собирается уходить, и на полшага оборачивается: — Только в следующий раз, пожалуйста, смотри, куда летишь. Я, конечно, крепкая, но булочки жалко.

И уходит в сторону фонаря, оставляя его одного переваривать, что вообще сейчас произошло.

Глава 3. Первый серьёзный сбой

Сбой начался с погасших фонарей. Потом асфальт под ногами стал «плыть» — не сильно, но достаточно, чтобы люди начали останавливаться и оглядываться.

Итан рванул к эпицентру, пытаясь удержать равновесие. Он знал, что если не стабилизирует сейчас, потом будет хуже.

— Стой! — крикнула Лия. — Ты не можешь просто «зажать» это! Ты сломаешь себя!

— Уйди! — рявкнул он. — Это не твоё дело!

Но она не ушла. Вместо этого она схватила его за рукав и дёрнула назад, туда, где тень была тоньше.

— Смотри, — сказала она, тяжело дыша. — Не на хаос. На границу. Где он заканчивается.

Держи границу, а не весь мир.

И в этот момент он послушал. Не потому, что хотел, а потому, что у него не было сил спорить.

Граница удержалась. Сбой затих.

А Итан впервые посмотрел на неё не как на помеху, а как на опору.

Они заходят в маленькую пекарню, чтобы переждать всплеск аномалий. Внутри пахнет корицей и свежей выпечкой, и даже воздух кажется плотнее, будто здесь сбоям труднее пробираться сквозь тепло. Лия заказывает кофе, спокойно оглядывается, будто проверяет, не шевелится ли угол. Итан не выдерживает: — Ты ведёшь себя так, будто это обычный вторник.

— А он и есть обычный, — отвечает она, не глядя. — Просто у вторников тут бывают... особенности. — Особенности?

— Ну да. То тень вздыхает, то асфальт вспоминает, что он был брусчаткой. Я просто не делаю вид, что этого не вижу.

Он резко поворачивается к ней, голос срывается на хриплый шёпот — не столько от злости, сколько от того, что всё, во что он верил, рассыпается:

— Кто ты, чёрт возьми, такая? — уже со злостью спрашивает он. — Ты не должна это видеть. Это... это неправильно.

— Лия, кстати. Приятно познакомиться, если ты удосужишься назвать взамен своё имя. Он замирает, будто слово «Лия» звучит в этом мире неправильно — слишком обычно для того, кто видит тени.

— Итан, — выдыхает он, почти против воли.

— Рада, — коротко кивает она и, чуть помолчав, добавляет тише: — Я вижу тени с детства. Возможно, и не должна... — она вздыхает, и в этом вздохе столько привычной горечи, что ему вдруг становится не по себе. — Я выросла в доме, где тени разговаривали с бабушкой. Сначала я думала, что это сказки. Потом, когда не стало бабушки.. Поняла многое

Итан хочет сказать что-то резкое — про опасность, про то, что такие вещи ломают людей, про то, что ей надо держаться подальше. Но слова застревают, потому что Лия вдруг улыбается — не весело, а так, будто вспоминает что-то тёплое :

— Знаешь, бабушка говорила: «Если тень шепчет — слушай, но не отвечай сразу. Дай себе время подумать». Я так и делала. Сначала слушала. Потом училась не бояться. А потом поняла, что бояться надо не теней, а того, как легко перестать их замечать. Она делает глоток кофе, морщится — слишком горячий — и смотрит на него уже без прежней отстранённости:

— Ты ведь тоже их видишь, Итан. Просто ты не слушаешь. Ты сразу пытаешься удержать, закрыть, заткнуть. А иногда достаточно просто постоять рядом и сказать: «Я вижу тебя. И я не уйду».

Он молчит, чувствуя, как внутри что-то сдвигается — не от её слов, а от того, как спокойно она их произносит. Здесь, среди чашек и запаха корицы, её правда звучит не как безумие, а как самое обычное, самое необходимое объяснение.

— Ладно. Раз уж мы теперь официально знакомы, давай договоримся: ты не пытаешься удержать весь город одной рукой, а я не буду делать вид, что ничего не вижу. Идёт?

Итан смотрит на неё, потом на кофе, потом снова на неё — и впервые за вечер уголки его губ чуть поднялись вверх, будто он сам не верит, что сейчас улыбнётся:

— Идёт. Но если тень снова вздохнёт — предупреди заранее. Я не уверен, что готов к драматическим эффектам.

Лия фыркает, и этот короткий звук разбивает напряжение:

— Договорились. Драму я беру на себя. А ты бери кофе.

Он тут хороший.